

Написане лишается

Виктор Петров (Домонтович)

ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО МУЧИЛА БЕСКОНЕЧНОСТЬ. О МУДРОСТИ ТУРГЕНЕВСКОЙ

... Эпоха символизма (неоромантизма) была периодом возвращения к классикам.

Время 1890—1910, эпоха символизма (неоромантизма) была временем великих возрождений, возвращений и воскрешений. Мы обратились назад к классикам и воскресили Баратынского и Тютчева, открыли Фета, вновь увлеклись Каролиной Павловой и еще раз пережили Пушкина. Символисты благоговейно приняли лиризм Фета и Пушкина с их радостным осознанием жизни, усвоили пессимизм Тютчева и Баратынского и, в особенности, суровый трагизм Лермонтова и его волнующую религиозность, печальный и безрадостный мистицизм Гоголя. Но стороною [слово нерозб. — В.К.] Символисты, проявившие самую широкую способность примирить непримиримое, синтезировать несоединимое, прошли мимо Тургенева, отвернулись от него и отреклись. Провозгласили смерть Тургенева, его устарелость. Утверждали, что пророки и предтеча современности — Л. Толстой и Достоевский — заслонили Тургенева и поэтому последний кажется нам устаревшим. Как когда-то Пушкина противопоставляли Лермонтову, так теперь Тургенева Толстому и Достоевскому. Это отрицание явилось результатом из....

Мережковский в “Вечных спутниках” в этюде, посвященном Тургеневу, писал, соглашаясь, что Л. Толстой и Достоевский заслонили Тургенева и поэтому последний кажется нам устаревшим, спрашивал: “Навсегда ли? Надолго ли? Не суждено ли нам через них вернуться к нему?”. “В России, — писал критик, стране всяческого, революционного и религиозного максимализма, стране самосожжений, стране самых неистовых чрезмерностей, Тургенев едва ли не единственный, после Пушкина, гений меры, и, след [овательно], гений культуры”. “Или, говоря современным политическим языком, Тургенев, в противоположность максималистам, Л.Толстому и Достоевскому, наш единственный минималист. Не потому ли революция наша не удалась, что слишком было много в ней русской чрезмерности, мало европейской меры, слишком много Л. Толстого и Достоевского, мало Тургенева?”.

Так ли это?

Действительно ли Тургенев только художник, которого “наслаждение красотой слишком легко примиряет с жизнью”, как утверждает в другом месте тот же Мережковский?

Изъяснять Тургенева как эстета, опьяненного легким брожением жизни, ее капризной быстро-проходящей красотой, как гурмана, находившего весь смысл жизни в тонченном пользовании наслаждении жизненной игрой, так изъяснять

Тургенева – не значит ли слишком упрощать его? Впрочем, это упрощение есть результат известного оппозиционного настроения к той общественной шкале критиков, которая считала самым существенным в Тургеневском творчестве “идею”, его обличения русской действительности, изображения лишних людей, свободных женщин. Увлекаясь этой оппозиционностью, новая современная школа критиков или совершенно отрицала Тургенева, утверждая, что он устарел, или же видела в Тургеневе только “чистого художника”. Гершензон дает характеристику подобного толкования Тургенева.

Конечно, нельзя не признать справедливым замечание г. Гершензона, что “идеи” Тургенева “сыграв свою роль”, “выдохлись давным-давно”, что в “идеи” часто Т[ургенев] вносил “нотку художнической неискренности”. Но, признавая справедливость этих указаний, приходится сказать, что неприязнь к “общеположенным мислям”, внесенным писателем под чужим влиянием, заслоняла от современной критики Тургенева-мыслителя, его подлинные живые и жгучие мысли, его живые созерцания. Отрицание “идейных демонстраций, встречающихся у него и, действительно, производящих впечатление “художнической неискренности”, помешало рассмотреть критике то, что картину женской любви рисовал Тургенев не ради самой картины, побуждаемый своеобразным эстетическим эротизмом.

Тургенев для нас не только чистый художник, но и чистый мыслитель. И его творчество представляется нам не только результатом личной влюбленности во всех своих героинь, как думает Гершензон, но так же результатом его высокой мудрости, продуктом чистого философского мышления. Он не был чистым лириком, его романы не про простые излияния сердца, дневник романтически настроенного Вертера, погруженного внутрь себя. Не следует забывать, что Тургенев вместе с Флобером и А.Доде считается родоначальником натуралистического экспериментального романа. Повествуя о любви, Т[ургенев] подобно Толстому и Достоевскому производил опыты над ней, рассматривая ее как психологический факт. Экспериментируя, он ставил нравственно-философскую проблему, которую и разрешал на основании своих наблюдений.

Я позволю себе остановиться на двух романах: “Дворянское гнездо” и “Накануне”. Где та ось, на которой воздвигались эти романы, где тот центральный пункт, около которого сосредоточено все остальное? Отбросив споры славянофила Лаврецкого и западника Паншина, противоположение¹...

В 1858 г. появилось Дв[орянское] Гн[ездо], в 1854 “Накануне” – два романа, которые представляют [два слова нерозб. — В.К.] значительно интересную постановку проблемы: о роли любви в жизни.

Как “Преступление и наказание” для нас произведение, являющееся развитием Кантовского учения о категорическом императиве: “Мы должны делать добро из чистого чувства долга вопреки всем нашим наклонностям” и даже условиям социальной обстановки (так Достоевский в данном случае повторил Толст[ого], а тот Колтриджа, “влившего философию Канта в поэзию”, так – сущность “Дв[орянского] Гн[езда]” и “Накануне”, посвященных психолог[ическому] описанию истории любви, сводится для нас к тому моменту, когда наступает...

...Дв[орянское] Г[нездо] и Н[акануне] – две истории любви, вывод из которых сделал Т[ургенев] один и тот же: это – мысль о том, что ни один человек не

¹ Продовження думки автора існує і в іншому варіанті тексту, який наводиться далі.

имеет права на любовь, на жизнь, на счастье, мысль о т[ом] ч[то] каждый человек должен понести наказание, быть покаранным. В этих двух романах, связанных единством окончательного вывода, одно и то же положение повторено на двух духовно-различных типах: одинаковое сознание вины рождается равно у “пассивного” “неэнергетического” Лаврецкого, влюбленного в “покоряющуюся” Лизу, чистота чувства которой куплена “ценой рацион[альной] мысли”, равно у “борца”, сильного Инсарова, влюбленного в Елену, проявляющую силу характера, почти мужского, напряженную картину мысли.

Лиза объяснилась с Лаврецким: “Да, сказала она глухо: мы скоро были наказаны. — Наказаны, — проговорил Лаврецкий, — за что же вы-то наказаны?” И Лиза уходит в монастырь замаливать свой грех, свое греховное притязание на жизнь и любовь.

Но Лаврецкий и Лиза нерешительны, они — русские, и как русские они безвольны, рассудочны, рефлексивны, мучат себя и других своей неуверенностью, исканием оправданий.

Через год после “Дворянского Гнезда” в 1859 Т[ургенев] пишет “Накануне”, где уже сильный и твердый болгарин Инсаров и новая девушка, свободная и мужественная Елена, решаются преодолеть условности и препятствия, которые ставила жизнь. “Накануне” в своей психологической основе представляет полную параллель “Двор[ьянскому] Гнезду”: одна и та же проблема о праве человека на жизнь, на счастье, на любовь. Но в одном случае художник экспериментирует над пассивными натурами, подчиняющимися условностям быта, в другом над активными, разрушающими пути быта и общественной морали. И вывод оказывается одинаковым.

...Вот Лиза, робкая и несмелая, точно озаренная лучами золотисто-желтого заходящего солнца, точно вся погруженная в созерцание света вечернего, открывшая девичье сердце свое для любви: чем стала для нее, любовной и светлой, радость жизни — любовь? “Не веселостью сказывалась ей любовь: во второй раз плакала она со вчерашнего вечера. В ее сердце едва только родилось то новое, нежданное чувство и уже как тяжело поплатилась она за него”.

Кто-то Высший наказал ее за любовь, за трепетную попытку любить, утвердить в жизни свое “я”. То же сознание рождается и в Лаврецком. Он отчитывает себя за дерзость взять жизнь, овладеть ею и он говорит, рассказываясь, себе: “Ты захотел вторично изведать счастья в жизни: ты позабыл, что и то роскошь, незаслуженная милость, когда оно хоть однажды посетит человека”. Любовь и счастье — роскошь, милость, милостыня, и при том незаслуженная: “Вспомни свою мать: как ничтожно малы были ее требования, и какова выпала ей доля?” Человек не имеет никакого права на жизнь, жизнь безрадостна и тосклива. И человек, претендующий на счастье в жизни, несет заслуженную кару.

Отбросив в сторону споры славянофила Лаврецкого и западника Паншина, противоположение² “сильного” Инсарова “слабому” Шубину, весь этот историзм, интересный только для характеристики настроений 60-х годов, мы должны признать, что романы эти — романы о любви, что существенное их зиждется на истории любви Лизы к Лаврецкому, Елены к Инсарову.

В своих романах Тургенев экспериментирует точно так же, как Толстой и Достоевский, и подобно им, ставя и разрешая ту или иную трудную нравственную³

² Див. попередне послання.

³ Над словом “моральную” сверху написано — “нравственную”.

проблему, возвышает свою повесть от уровня натуралистического романа на уровень романа этико-философского.

Не проблема любви, как таковой, имеет значение для Т.[ургенева] и не ее пытается он поставить в Дв.[орянском] гнезде и Накануне, но проблему возмездия. Любовь для Т.[ургенева] здесь не самоцель, но только психологический факт, анализ которой позволяет ему обнажить хаос жизни, вскрыть первооснову бытия. Любовь и ее история для Тургенева это только предпосылки, которыми он обосновывает свои выводы философского скепсиса, отрицания и сомнений.

Елена, добившись любви, преодолев препятствия, спрашивает себя: “Имеем ли мы право на жизнь? Не есть ли преступление уже то, что мы живем, — преступление, за которое мы должны нести наказание в нашей жизни”. Елена в круге тех же мыслей, в которых жили и Лиза, и Лаврецкий. Елена — это та же Лиза с тем же мироощущением “отреченного уныния”. Героини “Накануне” и “Двор.[янского] Гнезда” готовы повторить суровое изречение Софокла: “Самое большое благо — не родиться”.

Жизнь есть преступление и мы несем уже в жизни кару за нее! Елена не может примириться с этой мыслью, наполненной глубокой [слово неразб. — В.К.], и с немой болью бросает упрек небу: “...зачем наказал выше вины, если и была вина?” “Каждый из нас”, отвечает автор, “виноват уже тем, что живет” и нет такого человека, который “мог бы надеяться на то, что имеет право жить”.

Отрицание права на жизнь, на любовь — таков пессимистический окончательный вывод двух Тургеневских романов; можно-ли после этого утверждать, подобно Мережковскому, что Т[ургенев] наслаждением красоты легко примирялся с жизнью? Где уж тут минимализму или максимализму быть, если сомневаться в праве на жизнь, если проблему ставит о каре за жизнь? Здесь такая глубина трагического созерцания, за которой все — и любовь, и красота, и культура, и человек — ничто. Гений меры, культуры. Категории минимализма и максимализма не м[огут] выразить [слово неразб. — В.К.] особенностей [слово неразб. — В.К.] Т[ургенев]ских настроений — он вне их. По ту сторону минимализма и максимализма.

II.

Таков человек в своем человеческом, слишком человеческом. И рядом у Тургенева другая проблема: о человеке и природе! Углубляясь в познание этого сопоставления, он узнал одно — муки бесконечности. Вид голубой вечно пустой беспредельности неба в нем вызывает крик: “Я не выношу неба”.

...Можно ли рассматривать Т[ургенева], противопоставляя его Т-му [Толстому] и Д-му [Достоевскому]? Едва ли, ибо эти категории минимализма и максимализма не м[огут] выразить особенностей Т-ских [Тургеневских] созерцаний. Он вне их. По ту сторону и минимализма и максимализма. Его трагическое мирозозерцание, где главный вопрос “Любовь.”

II

...Другой проблемой, которую не менее остро ставил Т[ургенев], является вопрос о противоположности человека и природы. Анализируя эту проблему и разрешая ее, Т[ургенев] не посвящает ей отдельных больших произведений, но останавливается на ней неоднократно.

В одном из писем к Виардо Т.[ургенев] говорит о ВОЛНЕНИИ, к[ото]рое ВЫЗЫВАЕТ в нем вид зеленой ветки, рисующейся на голубом небе: его волнует именно контраст между этой маленькой веточкой, в к[ото]р[о]й бьется слабая и все же в данную минуту торжествующая жизнь — и вечной пустой беспредельностью неба: “Я не выношу неба, но жизнь, ее реальность, ее капризность, ее случайность, ее приятность, ее быстро преходящую красоту, — все это я обожаю”...

...из мелких неосознанных ощущений слагается общее ясное радостное чувство освобождения, остающееся после чтения Тургенева.

Как творит писатель это душевное настроение? ТИШИНА.⁴ “Тишина блаженства, тишина невозмутимой пристани, достигнутой цели, та небесная тишина, к[ото]рая и самой смерти придает и смысл⁵, и красоту, наполнила ее всю своею божественною волною.

...в восхищении тишины восприятия Т[ургенев] гармоническую целостность мира воспринял благостность природы.

Первоначальная интуиция Т[ургенева] сводится к созерцанию тишины. И в этом созерцании и только в нем разрешается то болезненное ощущение жизни, природы и человека, которое свойственно трагическому мышлению Тургенева. И в этом состоянии восприятие тишины рождается в нем радость и восторженность. Эта совершенно — своеобразная, Тургеневская концепция добра, сказанного им жизни “Да” ускользала от наблюдателей Тургеневского творчества, проходила незамеченной.

И Тургенева мы уже не назовем “ч[е]л[ове]к[о]м, к[ото]р[о]го мучила бесконечность”, но скажем о нем, как о “человеке, познавшем тишину”, свет тихий [...], проникшем в смысл имени Христа, названного “светом тихим”, дающего жизнь.

...За интригой, диалогами, развитием характеров, за всем тем, что беллетристику делает беллетристической и роман романом, исследователи прошли мимо Тургеневской индивидуальной мысли, мимо Тургеневской мудрости, а между тем он был не менее мудр, чем Толстой. И не менее проникновенен, чем Достоевский. И Тургенева мы уже не назовем “человеком, которого мучила бесконечность”, но скажем о нем, как о “человеке, познавшем тишину”, проникшем в смысл имени того, кого называют “Светом тихим” [...].

⁴ Автор черным олівцем на тексті написав великими печатними літерами слово “ТИШИНА”, окреслив його орнаментальним фризом у вигляді прямокутника із зигзагом в середині.

⁵ Над словом “смысл” автор написав слово “Накануне”, і навів у тексті цитату з цього твору.

Підготовка тексту та коментарі *Валентини Корпусової*

